

1838
~~1838~~
18 Дек. 1845 г.

С II 12397

ИЗБРАННЫЯ
РУССКІЯ
СТИХОТВОРЕНІЯ

для
ДѢТЪЙ.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

1845.

С 1767

СВИДѢТЕЛЬСТВО.

Отъ Содержателя Типографіи
К. Крайя.

Симъ свидѣтельствую что *книга* подѣ названіемъ:

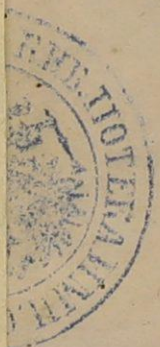
*Избранная русскія Стихотворенія
Дмитрия*

по силѣ § 37 Устава о Ценсурѣ съ прилагаем *одн* притомъ
одобренн *одн* въ Ценсурѣ *руч*
напечатан *а* во всемъ сходно.

С. Петербургъ

Декабрь 19-го дня
1845 года.

К. Крайя.

Кра

410

Е II 12537 Изъдание второе
Венсера в Метрополитане

ИЗБРАННЫЯ

РУССКІЯ

СТИХОТВОРЕНІЯ

ДЛЯ

ДѢТЯИ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Печатано въ Типографіи

1845.

Лен. Гос. ун-т
Научная
библиотека им.
Горького

ПРОВЕРКА
0097

—

Handwritten text at the top of the page, including a signature and a date: "Въ Петербургѣ 30 Ноября 1845 г." and "С. Куторга".

ИЗДАНИЕ

ВЪ САНКТЪ-ПЕТЕРБУРГѢ

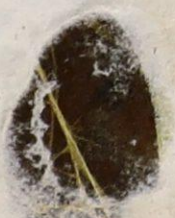
СТАНОВИТСЯ ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобъ представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

С. Петербургъ, Ноября 30 дня 1845 года

Ценсоръ С. Куторга.

ИЗДАТЕЛЬ

САНКТЪ-ПЕТЕРБУРГЪ

Издано въ Типографіи К. Рундквиста

1845

Выбирая изъ стихотвореній Русскихъ,
одно прекрасное, понятное уму малютокъ,
желаю ознакомить ихъ съ именами, со-
ставляющими славу Русской Литерату-
ры, и съ тѣмъ вмѣстѣ внушить имъ лю-
бовь къ родному языку.

М. Шт. . . . ерь.

*

Видно из сего, что
этот предмет, который
мы рассматриваем, не
является тем, что
мы рассматриваем, а
то, что мы рассматриваем.

Служба

ВЕЛИЧЕСТВО БОЖІЕ.

Благослови, душа моя,
Всесильнаго Творца и Бога!
Коль Онъ великъ! Коль мудрость многа
Въ твореньяхъ, Господи, Твоя!

Ты свѣтомъ, славой, красотой,
Какъ будто ризой облачился;
И какъ шатромъ, Ты осѣнилъ
Небесъ лазурной высотой.

Ты звѣздну твердь изъ водъ сложишь,
И по зарямъ ея ступаешь
На крыльяхъ вѣтряныхъ летаешь
Во сонмѣ свѣтоносныхъ силъ.

Послами Ангеловъ творишь,
Повелѣваешь Ты духами;
Послушными Себѣ слугами
Огню и бурямъ быть велѣшь.

Поставилъ землю на зыбяхъ:
Во вѣкъ тверда она собою;
Объяты бездной, какъ пленою,
Стоять въ ней воды на горахъ.

Среди хранилища сего
Онѣ грозы Твоей боятся;
Речешь — ревутъ, бѣгутъ. стремятся
Отъ гласа грома Твоего;

Какъ горы, веходятъ къ облакамъ;
Какъ доли, внизъ клонясь, ложатся;
Какъ степи, разліясь струятся
Къ показаннымъ Тобой мѣстамъ.

Предѣлъ Ты начерталъ имъ Твой,
И изъ него онѣ не выдутъ,
Не обратятся и не придутъ
Покрыть лице земли волной;

Велишь внутрь горъ ключемъ имъ бить,
Изъ дебрей рѣки проливаешь,
Звѣрямъ, онаграмъ посылаешь
Повсюду жашду утолить.

А тамъ по синеѣ небесъ
Віась пернатые летаютъ,
Изъ облакъ гласы испускаютъ
И свищутъ на вѣтвяхъ древесъ.

Ты дождь съ превыспреннихъ стремишь;
Какъ перла, росы разсыпаешь;
Туманомъ холмы осребряешь
И плодоносными творишь;

Изъ пѣдрь земныхъ траву скотамъ
Произращаешь въ насыщенье;
На разное употребленье
Различный злакъ изводишь намъ:

На хлѣбъ — чтобъ укрѣплять сердца,
И на вино — чтобъ ободряться,
И на елей — чтобъ услаждаться,
И умащать красу лица.

Твоя рука повсюду льетъ
Древамъ питательные соки;
Ливанскихъ кедровъ садъ высокій,
Тобою насажденъ, цвѣтеть.

Ты мелкихъ птичекъ умудрилъ
Свои вить сокровенно гнѣзды,
Эродій же свое подъ звѣзды
Чтобы на соснахъ возносилъ.

По высотамъ крутыхъ холмовъ
Ты прядать научилъ еленей;
А зайцамъ средь кустовъ и тѣней
Ты далъ защиту и покровъ.

*

И блѣдная луна Тобой
Своею чередой сіяетъ,
И лучезарно солнце знаетъ
Во благовремя западъ свой.

Какъ день Ты удалишь, и пошь
Покровъ свой разстилаетъ горный, —
Лѣсные звѣри и дубровны,
И скимпъ выходитъ ярь и тошь:

Выходятъ, рышутъ и рычатъ,
И отъ Тебя всё пищи просятъ;
Что Ты даруешь имъ — уносятъ,
И свой тѣмъ утоляютъ гладъ.

Но лишь простреть свой солнце взглядъ,
Они собираются стадами,
И идутъ врозь между лѣсами
И въ мрачныхъ логовищахъ спятъ.

Поутру человекъ встаетъ,
Идетъ на трудъ, на земледѣлье,
И солнечное захожденье
Ему спокойствіе даетъ.

Но коль дѣла Твои, Творецъ!
Безчисленны и неизмѣрны!
Премудрости Твоей суть бездны,
Полна земля Твоихъ чудесъ!

Сія моря, сей водный сонмъ,
Обширны хляби и бездонны,
Большихъ и малыхъ тварей полны
И чудь, безчисленныхъ числомъ.

Тамъ китъ, тамъ чолнъ стремятъ свой бѣгъ,
И насмѣхаются надъ бездною;
И все сіе, о Царь вселенной!
Себѣ Ты создалъ для утѣхъ.

Къ тебѣ всѣхъ смертныхъ очи зрятъ,
И на Тебя все уповаютъ;
Къ Тебѣ все руки простираютъ
И милостей Твоихъ хотятъ.

Даруешь имъ — и соберутъ;
Развернешь длань — и разсыпашь
Щедроту всемъ; Ты всехъ питаешь,
И все они Тобой живутъ.

Но если отвратишь Свой зракъ —
Ихъ всюду ужасы смущаютъ;
Отынешь душу — исчезаютъ
И превращаются во прахъ.

А если духъ пошлешь Ты Свой —
Мгновенно вновь все сотворится,
Лице земное обновится,
Изъ тмы возстанетъ свѣтъ другой.

И будетъ слава средь небесъ
Твоя, Создатель! продолжаться;
Ты вѣчно будешь утѣшаться
Твореніемъ Твоихъ чудесъ!

О Ты, трясешь чей землю взглядь!
Коснешься ли горамъ — дымятся;
Дохнешь ли на моря — холмятся;
Въ рукъ держащій твердь и адъ!

Тебя, Всесильный мой Творецъ!
Я вѣчно славословить стану,
И пѣть Тебя я не престану.
По самый дней моихъ конецъ.

Моя беседа предъ Тобой
И пѣснь угодны да явятся;
Тобой я буду восхищаться,
Дышать и жить, о Боже мой!

Но грѣшныхъ племя и языкъ
Да истребитъ десница строга! —
Хвали, душа моя, ты Бога:
Сколь Онъ премудръ, и сколь великъ!

ДЕРЖАВИНЪ.

МОЛИТВА о ДОЖДЬ.

Мать любезная Природа!
Отъ лазореваго свода
Дождь шумящій ниспошли
Оросить лице земли!

Все томится, унываетъ;
Зелень въ полѣ увядаетъ;
Сохнетъ травка и цвѣтокъ —
Нѣжный ландышъ, василѣкъ
Пылью сѣрою покрыты —
Не питаетъ ихъ роса . . .
Дѣти матерю забыты.

Солнце жжетъ, палитъ лѣса,
Птички въ рощахъ замолчали;
Ищутъ только холодка.
Ручейки журчатъ престали;
Истошилася рѣка.

Агнець пищи не находитъ:
Чёрень холмъ и чёрень долъ.
Конь въ степи печально бродитъ;
Тошчь и слабъ ревушій волъ.

Ахъ! такой ли ждалъ награды
Земледѣлецъ за труды?
Гибнуть всё его плоды! . . .
Въ горькой части безъ отрады,
Онъ терзается тоской;
За себя за чадъ страдаетъ,
И блестящею слезой
Хлѣбъ изсохшій орошаетъ.
Дѣти плачутъ вмѣстѣ, съ нимъ;
Игры всё не милы имъ!

Мать любезная Природа!
Отъ лазореваго свода
Дождь шумящій ипсцошли
Оросить лице земли!

Ахъ! доселѣ ты внимала
Крику слабаго птенца,
И въ печаляхъ утѣшала
Наши томныя сердца:
Неужель теперь забудешь
Въ нуждѣ, въ скорби чадъ своихъ?
Неужель теперь не будешь
Нѣжной матерью для нихъ? —

Нѣтъ, тобою оживятся
Наши мертвыя поля;
Вновь украсится земля —
Пѣсни въ рощи возвратятся —
Благодарный Оміамъ
Воскурится къ небесамъ!

Карамзинъ.

УТРЕННЕЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ

О

БОЖИЕМЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ.

Уже прекрасное свѣтило
Простерло блескъ свой по земли,
И Божія дѣла открыло.
Мой духъ съ веселіемъ внемли!
Чудяся яснымъ толь лучамъ,
Представь, каковъ Зпждитель самъ!

Когда бы смертнымъ толь высоко
Возможно было возлетѣть,
Чтобъ къ солнцу брэнно наше око
Могло приблизившись воззрѣть;
Тогдабъ со всѣхъ открылся странъ
Горящій вѣчно океанъ.

Тамъ огненны валы стремятся
И не находятъ береговъ:

Тамъ вихри пламенны крутятся,
Борющисъ множество вѣковъ;
Тамъ камни какъ вода кипятъ,
Горящи тамъ дожди шумятъ.

Сія ужасная громада
Какъ искра предъ Тобой одна.
О коль пресвѣтлая лампада
Тобою, Боже, возжена,
Для нашихъ повседневныхъ дѣлъ,
Что Ты творишь намъ повелѣлъ!

Отъ мрачной ночи свободились
Поля, бугры, холмы и лѣсъ
И взору нашему открылись
Исполнены Твоихъ чудесъ.
Тамъ всякая взываетъ плоть:
Великъ Зиждитель нашъ Господь!

Свѣтило дневное блистаетъ
Лишь только на поверхность тѣль:
Но взоръ Твой въ бездну проникаетъ,
Не зная никакихъ предѣль.
Отъ свѣтлости Твоихъ очей
Ліется радость твари всей.

Творецъ! покрытому мнѣ тьмою
Простри премудрости лучи,

И что угодно предъ Тобою,
Всегда твориши научи,
И на Твою взирая тварь,
Хвалить Тебя, бессмертный Царь!

Ломоносовъ.

— 12 —

Воннество бранное
Славной избранное
Боже, храни!
Воннество избранное
Речи священныя
Миротворительныя
Твои дни!

ПѢСНЬ РУССКОМУ ЦАРЮ.

3/5/10

Боже! Царя храни!
Славному долги дни
Дай на земли!
Гордыхъ смирителю
Слабыхъ хранителю,
Всѣхъ утѣшителю
Все ниспошли!

Перводержавную
Русь православную
Боже, храни!

Царство ей стройное

Въ силѣ спокойное!

Все жь недостойное

Прочь отжени!

Воинство бранное,
Славой избранное,
Боже, храни!
Воинамъ мстителямъ,
Чести спасителямъ,
Миротворителямъ
Долгіе дни!

Мирныхъ воителей
Правды блюстителей
Боже, храни!
Жизнь ихъ примѣрную,
Пелищѣмерную,
Доблестямъ вѣрную
Ты помяни!

О провидѣніе!
Благословеніе
Намъ ниспосли!
Къ благу стремленіе,
Въ счастья смиреніе,
Въ скорби терпѣніе
Дай на земли!

Будь намъ заступникомъ
Вѣрнымъ спутникомъ
Насъ провожай!

Свѣтлопрелестная,
Жизнь наднебесная,
Сердцу извѣстная —
Сердцу сіяй!

Жуковскій.

ПОМОЩЬ БОЖІЯ.

Возвелъ я мысленные взоры
Въ небесны, лучезарны горы —
И помощь мнѣ оттоль пришла,
Я помощь сильную приѣмлю
Отъ сотворившаго всю землю
И въ небѣ звѣзды безъ числа.

Ноги моеи въ поползновење,
Ниже въ малѣйшее смятење,
Онъ не допуститъ, и хранитъ.
Хранитъ меня, и не воздремлетъ,
И всѣмъ моимъ Онъ нуждамъ внемлетъ,
И свыше на меня глядитъ.

Господь, Господь — мой покровитель,
Помощникъ Жезль и Подкрѣпитель,
И щитъ Онъ на груди моеи;
Ни солнце въ день не опаляетъ,
Ни лунный свѣтъ не ужасаетъ
Меня въ тьмѣ блѣдностью своеи.

Вездѣ со мною пребываетъ,
Сопутствуетъ, остерегаетъ
Отъ всякаго меня Онъ зла;
Блюдетъ мой входъ и исхожденье:
Предупреждаетъ искушенье,
Чтобъ злость вредить мнѣ не могла.

ДЕРЖАВИНЪ.

ГИМНЪ БОГУ.

Парю душей къ Тебѣ, Всечтимый,
Превѣчно слово, Трисвятый!
Блажу Тебя, непостижимый,
Всемощный, Безначальный, Сый!
Блажу, и сердцемъ восхищаюсь,
Зря тьмы, куда ни обращаюсь,
Въ Твореніи Твоемъ чудесь!
Великъ равно Ты въ насѣкомомъ,
Какъ въ буряхъ, къ намъ, ревушихъ съ громомъ.
Съ недосягаемыхъ небесъ!

Гдѣ пунктъ начатія Вселенны?
Что въ солнцѣ огнь питаетъ Твой?
Чѣмъ звѣзды въ тверди утверждены,
И что вращаетъ шаръ земной?
Откуда сонмы водъ пустились
И въ кругъ земли совокупились
Въ неизмѣримый океанъ?

Что внѣ его, что внѣ эфира?
Кто въ тайнахъ сихъ, о Творче міра,
Участникомъ Твоимъ избранъ?

Никто, никто въ Твоемъ совѣтѣ!
Непроницаемъ Твой покровъ!
Сѣдящій въ неприступномъ свѣтѣ,
Надъ міриадами міровъ,
Ты взоромъ солнца возжигашь,
Ты маіемъ міры вращашь,
Ты духомъ Ангеловъ творишь,
И словомъ, мыслю одною —
Сію пылинку предъ Тобою —
Громаду свѣта истребишь!

Д М И Т Р І Е В Ъ .

ЛАСТОЧКА.

О домовитая ласточка!
О милосизая птичка!
Грудь краснобѣла, касаточка,
Лѣтняя гостья, пѣвичка!
Ты часто по кровлямъ щебечешь,
Надъ гнѣздышкомъ, сидя, поешь;
Крылашками движешь, трепещешь,
Колокольчикомъ въ горлышкѣ бьешь.
Ты часто по воздуху вьешься,
Въ немъ смѣлые круги даешь;
Иль стелешься долу, несешься,
Иль въ небѣ, простряся плывешь.
Ты часто во зеркалѣ водномъ
Подъ рдяной играешь зарей,
На зыбкомъ лазурѣ бездонномъ
Тѣнью мелькаешь твоей.
Ты часто, какъ молнія, рѣшь
Мгновенно туды и сюды;

Сама за собой не успѣешь
Невидимы видѣть слѣды:
Но видишь тамъ всю ты вселенну,
Какъ будто съ высотъ на коврѣ;
Тамъ башню, какъ жаръ позлащенну,
Въ чешуйчатомъ флотъ тамъ сребрѣ;
Тамъ роши въ одеждѣ зеленой,
Тамъ нивы въ вѣщѣ золотомъ,
Тамъ холмъ, синій лѣсъ отдаленной,
Тамъ мошки толкутся столпомъ,
Тамъ гнутся съ утеса въ понтъ воды,
Тамъ ластятся струи къ брегамъ. —
Всю прелесть ты видишь Природы,
Зришь лѣта роскошнаго храмъ;
Но видишь и бури ты черны:
И осени скучной приходъ,
И прячешься въ бездны подземны,
Хладѣя зимою, какъ ледъ.
Во мракѣ лежишь бездыханна; —
Но только лишь придетъ весна,
И роза вздохнетъ лишь румяна,
Встаешь ты отъ мертваго сна;
Встанешь, откроешь зѣницы —
И новой лучъ жизни ты пьешь;
Сизы разправа косицы,
Ты новое солнце поешь.

Душа моя! гостя ты міра:
Не ты ли перната сія? —

Воспой же бессмертіе, лира!
Возстану, возстану и я;
Возстану — и въ безднѣ ээира
Увижуль тебя я, Пльнира?

ДЕРЖАВИНЪ.

ДОБРЫЙ ЦАРЬ.

Жилъ - былъ въ свѣтѣ добрый Царь,
Православный Государь.
Всѣ сердца его любили,
Всѣ отцомъ и другомъ чтили.

Любитъ Царь дѣтей своихъ;
Хочетъ онъ блаженства ихъ:
Санъ, великость забываетъ,
Тронъ, порфиру оставляетъ.

Царь какъ странникъ, въ путь идетъ
И обходитъ цѣлый свѣтъ.
Посохъ есть ему — держава,
Всѣ опасности — забава.

Для чегожъ оставилъ онъ
Царскій санъ, и свѣтлый тронъ?
Для чего ему скитаться,
Хладу, зною подвергаться?

Чтобъ вездѣ добро собирать,
Душу сердце украшать
Просвѣщенія цвѣтами,
Трудолюбія плодами.

Для чего жь ему желать
Душу сердце украшать
Просвѣщенія цвѣтами
Трудолюбія плодами?

Чтобы мудростью своей
Озарить умы людей,
Чадъ и подданныхъ прославить
И въ искусствѣ жить наставить.

О великій Государь!
Первый, первый въ свѣтъ Царь! —
Всю вселенную пройдете,
Но другаго не найдете.

КАРАМЗИНЪ.

ВЕЛИСАРІЙ.

Малютка, шлемъ нося, просилъ.
Для Бога, пищи лишь дневныя
Слѣпцу, котораго водилъ, —
Кѣмъ славны Римъ и Византія.
» Тропитеся жервою судьбъ!
(Онъ такъ прохожихъ умоляетъ)
Подайте мальчику на хлѣбъ:
Онъ Велисарія питаетъ!

Вотъ шлемъ того, который былъ
Для Готфотъ, Вапдаловъ грозою;
Враговъ отечества сразилъ,
Но самъ сраженъ былъ клеветою.
Тиранъ лишилъ его очей, —
И міръ хранителя лишился.
Увы! свѣтъ солнечныхъ лучей,
Для Велисарія закрылся.

Несчастный, за кого въ слезахъ
Одинъ вознесъ я гласъ смиренной,

Водилъ Царей земныхъ въ цѣпяхъ,
Законы подавалъ вселенной;
Но въ счастіи своемъ равно
Онъ не былъ гордымъ, лютымъ, дикимъ,
И нынѣ мнѣ твердитъ одно:
Не называй меня великимъ!

Не видя свѣта и людей,
Паритъ онъ мыслью въ царствѣ Славы,
И видитъ въ памяти своей
Народы, вѣки и Державы.
Вотъ постоянство здѣшнихъ благъ!
Сколь чуденъ промыслъ Твой, Содѣтель!
И я, сиротка, въ юныхъ дняхъ
Сталъ Велисарью благодѣтель! . . . «

МЕРЗЛЯКОВЪ.

ВОСКРЕСНОЕ УТРО ВЪ ДЕРЕВНЬ.

Слушай, дружокъ! (говоритъ Воскресенью Суббота)
деревня

Вся ужь заснула давно; въ окрестности все ужь
покойно;

Время и мнѣ на покой; меня одолѣла дремота; Пол-
ночь близко! . . . И только успѣла Суббота про-
молвить:

» Полночь! « а полночь ужь тутъ и ее принимаетъ
безмолвно

Въ тихое лоно. Моя череда! говоритъ Воскресенье;
Легкой рукой, тихохонько двери свои отворило,
Вышло и смотритъ на звѣзды! звѣзды ярко сіяютъ;
На небѣ темно и чисто; у солнышка завѣсъ задер-
нутъ.

Долго еще до разсвѣта; все спитъ, иногда повѣ-
ваетъ

Свѣжій почной вѣтерокъ, сквозь сонъ встрепенув-
шись какъ будто

Утра далекій приходъ боясь пропустить. Невидим-
кой

Ходитъ, какъ духъ безтѣлесный неслышной стоной
Воскресенье.

Въ рошу заглянетъ — тамъ тихо: листья молчатъ;
сквозь вершины

Темныхъ деревь, какъ безчисленны очи, звѣздочки
смотрятъ;

Кое-гдѣ яркій свѣтлякъ на листочкѣ горитъ, какъ
лампада

Въ кельѣ отшельника. По лугу тихо пройдетъ — тамъ
незримый.

Шепчетъ ручей, пробираясь по камнямъ; кругомъ
вся окрестность,

Холмы, деревья въ невѣрныя тѣни слилися, и молча
Слушаютъ шепотъ. Зайдетъ на кладбище — могилы
въ глубокомъ

Снѣ, и подъ легкимъ ихъ дерномъ, какъ будто что
дышетъ свободнымъ,

Свѣжимъ дыханьемъ. Въ село завернетъ — и тамъ
все покойно;

Пусто на улицѣ; снятъ пѣтухи, и сельская церковь

Съ темной своей колокольней, внутри озаренная сла-
бымъ

Блескомъ свѣчи предъ Иконой, стоитъ какъ будто
безмолвный

Сторожъ деревни. — Спокойно на паперти сѣвъ,
Воскресенье

Ждетъ посреди глубокой тьмы и молчанья, чтобъ
утро

На небѣ проснулось проснулось утро; во тьму
и молчанье

Что - то живое проникло; стало свѣжѣе и звѣзды

Начали тускнуть. . . . пѣтухъ закричалъ. Воскресенье
тихонько

Подняло занавѣсъ спящаго солнца, тихонько шеп-
нуло:

» Солнышко, встань! « . . . И разомъ подернулся
блѣдной струёю

Темный востокъ; началось тамъ движенье, и слѣ-
домъ за яркой

Утренней звѣздочкой. рой облаковъ прилетѣлъ и усы-
палъ

Небо, и лучъ за лучемъ полился, облака зажигаая

Вдругъ между ними, какъ радостный Ангелъ, солнце
явилось

Вся деревня проснулась, и видитъ: стоитъ Воскре-
сенье

Въ свѣжемъ вѣнцѣ изъ цвѣтовъ и, сіяя на еолнцѣ

» Доброе утро! « — всѣмъ говоритъ. И торжественно
тихій

Праздникъ приходитъ на смѣну заботливо - трудной
недѣли;

Благовѣсть звонкій въ церковь зоветъ — и въ одеж-
дѣ воскресной

Старый и малый идутъ на молитву

Въ деревнѣ молчанье;

Въ церкви дымятся кадилы, и тихое слышится пѣнье,

Жуковскій.

КОМАРЪ и ЖУРАВЛИ.

Въ пути подъ облаками
Летѣли журавли;
Внизу, вблизи земли,
Своимъ путемъ летитъ комаръ надъ муравами.
» Комаръ, комаръ летитъ,
Комаръ, комаръ жужжитъ,
Какъ будто ровень съ нами.
Вскричали журавли.
Но что комаръ въ отвѣтъ жужжитъ надъ муравами?
— Мой путь вблизи земли,
Вашъ путь подъ небесами;
Летаю и жужжу не для досады вамъ;
Не трогайте меня своими вы носами,
А мой комарій носъ не вреденъ журавлямъ.

Богдановичъ.

ПАВЛИНЪ.

Какое гордое творенье,
Хвостъ пышно расширя свой,
Чернозелены въ искрахъ перья
Со разсыпною бахромой
Позады чешуйной груди кажутся,
Какъ нѣкій круглый, дивный шить?

Лазурно - сизо - бирюзовы
На каждого концѣ пера
Тѣнисты круги, волны новы
Струиета злата и сребра:
Наклонить — изумруды блещутъ!
Повернуть — яхонты горятъ!

Не то ли славный Царь пернатый?
Не то ли райска птица жаръ,
Которой столь уборъ богатый
Приводить въ удивленье тварь?
Гдѣ ступить — радуги играютъ!
Гдѣ станеть — тамъ лучи вокругъ!

Конечно, сила и паренье
Орлиныя въ ея крылахъ;
Гласъ трубный, лебедино пѣнье
Въ ея пресладостныхъ устахъ;
А пеликана добродѣтель
Въ ея сердцѣ и душѣ!

Но что за чудное явленье?
Я слышу пѣкій странный визгъ?
Сей Фениксъ опустилъ вдругъ перья,
Увидя гнусность ногъ своихъ. —
О пышность! какъ ты ослѣпляешь!
И баринъ безъ ума — павлинь!

ДЕРЖАВИНЪ.

ПЛАВАНІЕ.

Морскихъ чудовищ сонмъ, воспрянулъ, шумъ рза-
дался,

Готовьтесь въ путь! пловецъ товарищамъ кричитъ,
Взбѣжалъ по вервямъ, простерся въ нихъ, виситъ,
И какъ паукъ, въ сѣтяхъ невидимыхъ заткался
Вѣтръ . . . двинулся корабль и съ удила сорвался,
На волны наступилъ — хлябъ стонетъ и кипитъ!
Онъ, выю занеся, сквозь облака летитъ,
Подъ крылья забралъ вѣтръ, за край небесъ помчался.
Съ порывомъ мачтъ, душой по безднамъ я лечу;
Какъ парусъ, напряглось мое воображенье
И вторитъ кликъ толпы невольно восхищенье,
Припикнувъ къ кораблю, я руку вдаль мечу
И грудью быстроты придать ему хочу,
Легко мнѣ, весело, понятно птицъ паренье!

И л л и ч е в с к і й .

КЪ ХЛОЪ.

Всѣхъ цвѣточковъ болѣ
Розу я любилъ ;
Ею только въ полѣ
Взоръ мой веселилъ

Съ каждымъ днемъ милѣе
Мнѣ она была ;
Съ каждымъ днемъ алѣе,
Все какъ вновь цвѣла.

Но на счастье прочно
Всякъ надежду клянъ ;
Къ розѣ какъ нарочно,
Привилась полынь.

Роза не увяла
Тотъ же самый цвѣтъ ;
Но не та ужь стала :
Аромата нѣтъ.

Хлоя! какъ ужасенъ
Этотъ намъ урокъ!
Сколь увы опасенъ
Для красы порокъ!

ДМИТРИЕВЪ.

ВАСИЛЕКЪ.

Въ глуши разцвѣтшій Василекъ
Вдругъ захирѣлъ, завялъ почти до половины,
И голову склоня на стебелекъ,
Уныло ждалъ своей кончины:
Зефиру между тѣмъ онъ жалобно шепталъ
» — Ахъ еслибы скорѣе день насталъ,
И солнце красное поля здѣсь освѣтило.
Быть можетъ, и меня оно бы оживило? «
— » Ужь какъ ты простъ, мой другъ! «
Ему сказалъ, вблизи копаясь, жукъ:
Неужли солнышку лишь только и заботы,
Чтобы смотрѣть, какъ ты растешь,
И вянешь ты, или цвѣтешь?
Почѣрь что у него ни время, ни охоты
На это нѣтъ.
Когда бы ты леталъ, какъ я, да зналъ бы свѣтъ,
То видѣлъ бы, что здѣсь луга, поля и нивы
Имъ только и живутъ, имъ только и счастливы.
Оно своею теплотою

Огромные дубы и кедры согрѣваетъ,

У удивительною красотой

Цвѣты душистые богато убираетъ:

Да только тѣ цвѣты

Совсѣмъ не то, что ты:

Они такой цѣны и красоты,

Что само время ихъ, жалѣя коситъ,

А ты ни пышенъ, ни пахучъ:

Такъ солнце ты своей доукою не мучь!

Повѣрь, что на тебя оно луча не броситъ,

И добиваться ты пустаго перестань,

Молчи и вянь!»

Но солнышко взошло, природу освѣтило,

По царству Флориду разсыпало лучи,

И бѣдный Василекъ, завянувшій въ ночи,

Небеснымъ взоромъ оживило.

О вы, кому въ удѣлъ, судьбою данъ

Высокій санъ!

Вы съ солнца моего примѣръ себѣ берите!

Смотрите:

Куда лишь лучъ его достигнетъ, тамъ оно

Былинкѣ ль, кедру ли — благотворитъ равно,

И радость по себѣ и счастье оставляетъ;

За то и видъ его горитъ во всѣхъ сердцахъ —

Какъ чистый лучъ въ восточныхъ хрусталяхъ,

И все его благословляетъ.

Крыловъ.

ОСЕННЕЕ ЧУВСТВО.

Какъ быстро въ полѣ, вокругъ открытомъ,
Подковагъ вновь, мой конь бѣжитъ!
Какъ звонко подъ его копытомъ
Земля промерзлая стучитъ!

Какъ онъ взвился, ретивый, смѣлый
Черезъ потокъ оледенѣлый!

Полезенъ Русскому здоровью
Нашъ укрѣпительный морозъ.

Лавиты жарче вешнихъ розъ
Играютъ холодомъ и кровью.

Пушкинъ.

НАРОДНАЯ ПѢСНЯ.

Многи лѣта, многи лѣта,
Православный Русскій Царь.

Строемъ станьте, пѣсню гряньте
Про Царя и про народъ.
Царь державный, Русью славной
Правъ на славу въ родъ и родъ.

Были годы, непогоды
Поднимались и на насъ ;
Съ громомъ брани въ наши грани
Темный врагъ вбѣгалъ не разъ.

Но проснулся, развернулся
Нашъ Орелъ вождемъ полковъ ;
Свѣтъ дивится, Русь гордится
Славой дѣдовъ и сыновъ.

День Полтавы — праздникъ славы;
Измаилъ, Кагулъ, Рымникъ;
Бой Московскій; взрывъ Кремлевскій,
И въ Парижѣ Русскій штыкъ.

За Балканомъ Русскимъ станомъ
Устрашенный старый врагъ,
И въ ограду Царю - граду
На Босфорѣ Русскій флагъ.

Величайся жь Русь святая;
Славься доблестный народъ,
Отъ Камчатки до Дуная
Наше все и все поеть:

Многи лѣта, многи лѣта,
Православный Русскій Царь.

ЖУКОВСКІЙ.

ПЧЕЛА и МУХИ.

Двѣ мухи собрались летѣть въ чужіе края,
И стали подзывать съ собой туда Пчелу.

Имъ насаказали Поцуган

О дальнихъ сторонахъ большую похвалу.

Притомъ же имъ самимъ казалось обидно,

Что ихъ на родинѣ своей,

Вездѣ гоняють изъ гостей;

И даже до чего (какъ людямъ то не стыдно,

И что они за чудаки!).

Чтобъ поживиться имъ не дать сластями

За пышными столами,

Придумали отъ нихъ стеклянны колпаки;

А въ хижинахъ на нихъ злодѣи пауки.

» Путь добрый вамъ, « Пчела на это отвѣчала:

» А мнѣ

И на моей пріятно сторонѣ.

Отъ всѣхъ за соты я любовь себѣ сыскала;

Отъ поселянъ и до вельможъ.

Но вы летите,
Куда хотите!

Вездѣ вамъ будетъ счастье тожъ :
Не будете, друзья, нигдѣ, не бывъ полезны,
Вы ни почтенны, ни любезны,
А рады пауки лишь будутъ вамъ

И тамъ. «

Кто съ пользою отечеству трудится,
Тотъ съ нимъ легко не разлучится :
А кто полезнымъ быть способности лишень,
Чужая сторона тому всегда пріятна :
Не бывши гражданинъ, тамъ менѣ презрѣнъ онъ,
И никому его тамъ праздность не досадна.

КРЫЛОВЪ.

ОВСЯНЫЙ КИСЕЛЬ.

Дѣти, овсяный кисель на столѣ; читайте молитву;

Смирно сидѣть, не марать рукавовъ и къ горшку не
соваться;

Кушайте: всякой намъ даръ совершенъ, и даяніе
благо;

Кушайте, свѣты мои, на здоровье; Господь васъ по-
милуй.

Въ полѣ отецъ посѣялъ овесъ и весной заскородилъ.
Вотъ Господь - Богъ сказалъ: поди домой, не за-
боться;

Я не засну; безъ тебя онъ взойдетъ, разцвѣтетъ и
созрѣетъ.

Слушайтежь, дѣти: въ каждомъ зернышкѣ тихо и
смирно

Спитъ невидимкой малютка - зародышъ. Долго, долго

Спитъ онъ, какъ въ люлькѣ, не ѣстъ, и не пьетъ и
не пикнетъ, доколѣ

Въ рыхлую землю его не положить и въ ней не со-
грѣютъ.

Вотъ онъ лежитъ въ бороздѣ и малючкѣ тепло подь
землею;

Вотъ тихомолкомъ проснулся, взглянулъ, и сосеть
какъ младенецъ,

Сокъ изъ роднаго зерна, и ростеть, и невидимо
зрѣеть;

Вотъ уползъ изъ пеленъ, молодой корешокъ пробу-
равилъ;

Роется въ глубь, и корма ищетъ въ землѣ, и нахо-
дитъ.

Что же? . . . Вдругъ скучно и тѣсно въ потемкахъ . . .

» Какъ бы провѣдать.

» Что тамъ, на бѣломъ свѣтѣ творится? « . . . Тай-
комъ, боязливо

Выглянулъ онъ изъ земли Ахъ! Царь мой не-
бесный, какъ любо;

Смотришь — Господь-Богъ Ангела шлетъ къ нему съ
неба:

» Дай росинку ему и скажи отъ Создателя: здрав-
ствуй. «

Пьетъ онъ . . . Ахъ, какъ же малюточкѣ сладко свѣ-
жо и свободно.

Рядится красное солнышко: вотъ нарядилось. умы-
лось,

На горы вышло съ своимъ рукодѣлемъ; идетъ по
небесной

Свѣтлой дорогѣ; прилежно работая, смотритъ на
землю,

Словно какъ мать на дитя, и малюткѣ съ небесъ
улыбнулось,

Такъ улыбнулось, что все корешки молодые взы-
грали.

» Доброе солнышко, даромъ вельможа, а всякому
ласка! «

Въ чемъ же его рукодѣле? Точетъ облачко дождевое.

Смотришь: посмеркло; вдругъ каплетъ; вдругъ поли-
лось, зашумѣло.

Жадно зародышекъ пьетъ; но подулъ вѣтерокъ, —
онъ обсохнулъ.

» Нѣтъ, (говоритъ онъ) теперь ужъ подъ землю ме-
ня не заманять.

» Что мнѣ въ потемкахъ? Здѣсь останусь; пусть бу-
детъ что будетъ. «

Кушайте, свѣты мои, на здоровье; Господь васъ по-
милуй.

Ждетъ и малюточку тяжкое время: темныя тучи

День и ночь на небѣ стоятъ, и прячется солнце!

Снѣгъ и мятель на горахъ, и градъ съ гололедницей
въ полѣ.

Ахъ, мой бѣдный зародышекъ, какъ же онъ зябнетъ!
какъ поетъ!

Что съ нимъ будетъ! земля заперлась и негдѣ взять
пищи.

» Гдѣ же (онъ думаетъ) красное солнышко? Что не
выходить?

» Или боится замерзнуть? Иль и его нѣтъ на свѣтѣ?

» Ахъ, за чѣмъ покидалъ я родимое зернушко! дома

» Было мнѣ лучше; сидѣлъ-бы въ пріятномъ теплѣ
подъ землею. «

Дѣтушки, такъ то бываетъ на свѣтѣ: и вамъ дове-
дется

Вчужѣ, межъ злыми, чужими людьми, съ трудомъ
добывая

Хлѣбъ свой насущный, сквозь слезы сказать въ оди-
нокой печали:

» Худо мнѣ; лучше бы дома сидѣть у родимой за-
печкой «

Богъ васъ утѣшитъ, друзья; всему есть конецъ; ве-
селѣе

Будетъ и вамъ, какъ былинчкѣ. Слушайте: въ яс-
ный день Майской

Свѣжесть повѣяла Солнышко яркое на горы
вышло,

Смотрить: гдѣ нашъ зародышекъ? что съ нимъ? и
крошку цѣлуется.

Вотъ онъ ожилъ опять и себя отъ веселья не помнитъ.

Мало по малу одѣлись поля муравой и цвѣтами;

Вишня въ саду зацвѣла, зеленѣетъ и слива, и въ полѣ

Гуще становится рожь, и ячмень, и пшеница и просо,

Наша былиночка думаетъ: » я позади не останусь. «

Къ стати ль! листки распустила кто такъ пре-
красно соткалъ ихъ?

Вотъ стебелекъ показался кто изъ жилочки въ
жилку

Чистую влагу провелъ отъ корня до маковки сочной?

Вотъ проглянулъ, налился и качается въ воздухѣ
колосъ

Добрые люди, скажите: кто такъ искусно развѣсилъ
Почки по гибкому стеблю на тоненькихъ, шелковыхъ
нитяхъ?

Ангелы! кто же другой? Они отъ былинки къ бы-
линкѣ

По полю взадъ и впередъ съ благодатью небесной
летаютъ.

Вотъ ужъ и цвѣтомъ пѣжнѣй, зыбучѣй колосикъ
осыпанъ;

Наша былинка стоитъ, какъ невѣста въ уборѣ вѣн-
чальномъ.

Вотъ налилось и зерно и тихохонько зрѣетъ; былинка

Шепчетъ: качая въ раздумьи головкой, я знаю что
будетъ.

Смотришь: слетаются мошки, жучки молодую поздравить;

Пляшутъ, толкутся кругомъ, припѣваютъ ей: многія лѣта;

Въ сумерки жь, только что мошки, жучки позаснутъ и замолкнутъ,

Тащится въ травкѣ свѣтлякъ съ фонаремъ освѣтить ей въ потемкахъ.

Кушайте, свѣты мои, на здоровье; Господь васъ помилуй.

Вотъ ужъ и Троицынъ день миновался, и сѣно скосили;

Собраны вишни; въ саду ни одной не осталось сливки;

Вотъ ужъ пожали и рожь, и ячмень, и пшеницу и просо;

Ужъ и на жниво собирать босикомъ ребяташки сходились

Колось оброшенный; имъ помогла тихомолкомъ и мышка

Что то былиночка дѣлаетъ? О, ужъ давно пополнила;

Много, много въ ней зернушекъ; гнется и думаетъ: » полно;

»Время мое миновалось; зачѣмъ мнѣ одной оставаться

» Въ полѣ пустомъ межъ картофелемъ, пухлою рѣпой и свеклой? «

Вотъ съ серпами пришли и Иванъ и Лука и Дуняша;

Ужь и морозъ покусаль имъ утромъ и вечеромъ
пальцы;

Вотъ и снопы ужь сушили въ овинѣ; ужь ихъ мо-
лотили

Съ трехъ часовъ по утру до пяти по полудни на ригѣ;
Вотъ и гнѣдко потащился на мельницу съ возомъ тя-
желымъ;

Началь жерновъ молотъ; и зернушки стали мукою;
Вотъ молочка надоила отъ пестрой коровки родная

Полный горшечикъ; сварила кисель, чтобъ дѣтуш-
камъ кушать;

Дѣтушки скушали, ложки обтерли, сказали спасибо.

Жуковскій.

ОСЕЛЬ и СОЛОВЕЙ.

Осель увидѣлъ Соловья,
И говоритъ ему: » Послушай-ка дружище!
Ты сказываютъ, пѣть великій мастерище:
Хотѣлъ бы очень я
Самъ посудить, твое услышавъ пѣнье,
Велико ли твое умѣнье?«
Тутъ Соловей являть свое искусство сталъ:
Защолкалъ, засвисталъ
На тысячу ладовъ, тянулъ, переливался;
То нѣжно онъ ослабѣвалъ,
И томной вдаль свирѣлью отдавался,
То мелкой дробью вдругъ по рошѣ разсыпался:
Внимало все тогда
Любимцу и пѣвцу Авроры;
Затихли вѣтерки, замолкли птичекъ хоры,
И прилегли стада.
Чуть-чуть дыша, пастухъ имъ любовался,
И только иногда
Внимая Соловью, пастушкѣ улыбался.

Скончалъ пѣвецъ. Осель, уставясь въ землю лбомъ,
» Изрядно, « говоритъ: » сказать не ложно,
Тебя безъ скуки слушать можно,
А жаль что незнакомъ
Ты съ нашимъ пѣтухомъ:
Ещебъ ты болѣ наострился,
Когда бы у него немного поучился. «
Услыша судъ такой, мой бѣдный Соловей
Вспорхнулъ и полетѣлъ затридевать полей.
Избави, Богъ, и насъ отъ такихъ судей.

Крыловъ.

ЧИЖЬ и ГОЛУБЬ.

Чижа захлопнула злодѣйка западня;
Бѣдняжка въ ней и рвался, и метался,
А Голубь молодой надъ нимъ же издѣвался,
» Не стыдноль, « говоритъ: » средь бѣла дня
попался!

Не провели бы такъ меня:
За это я ручаюсь смѣло. «
Аиъ смотришь, тутъ же самъ запутался въ силокъ
И дѣло!
Впередъ чужой бѣдѣ не смѣйся, Голубокъ.

Крыловъ.

НАДЕЖДА.

Мой духъ! довѣренность къ Творцу!
Мужайся; будь въ терпѣньи камень.
Не Онъ ли къ лучшему концу,
Меня провелъ сквозь бранный пламень?
На полѣ смерти, чья рука
Меня таинственно спасала,
И жадный крови мечъ врага,
И градъ свинцовый отражала?
Кто, кто мнѣ силу далъ сносить
Труды и гладъ и непогоду,
И силу въ бѣдствѣ сохранить
Души возвышенной свободу?
Кто велъ меня отъ юныхъ дней
Къ добру, стезею потаенной,
И въ бурѣ пламенныхъ страстей
Мой былъ вожатый неизмѣнный?

Онъ! Онъ! Его все даръ благой!
Онъ есть источникъ чувствъ высокихъ,
Любви къ изящному прямой,

И мыслей чистыхъ и глубокихъ!
Все даръ Его: и краше всѣхъ
Даровъ, надежда лучшей жизни!
Когда жь узрю спокойный брегъ,
Страну желанную отчизны?
Когда струей небесныхъ благъ
Я утолю любви желанье,
Земную ризу брошу въ прахъ
И обновлю существованье?

БАТЮШКОВЪ.

ОБВАЛЪ.

Дробясь о мрачныя скалы,
Шумять и пѣнятся валы,
И надо мной кричать орлы,
И ропщеть боръ,
И блещуть средь волнистой мглы
Вершины горъ.

Оттоль сорвался разъ обвалъ,
И съ тяжкимъ грохотомъ упалъ,
И всю тѣснину между скалъ
Загородилъ,
И Терека могучій валъ
Остановилъ.

Вдругъ, истошась и присмирѣвъ,
О Терекъ, ты прервалъ свой ревъ;

Но заднихъ волнъ упорный гнѣвъ
 Прошибъ снѣга
Ты затопилъ, освирѣпѣвъ,
 Свои брега.

И долго прорванный обвалъ
Исталою грудю лежалъ .
И Терекъ злой подъ нимъ бѣжалъ,
 И пылю водъ
И шумной пѣной орошалъ
 Ледяный сводъ.

И путь по немъ широкій шель:
И конь скакалъ, и влекся волъ,
И своего верблюда вель
 Степной купецъ,
Гдѣ нынѣ мчится лишь золь
 Небесъ жилецъ.

Пушкинъ.

— 10 —
Когда волнуется желтѣющая нива
И свѣжій лѣсъ шумитъ при звукѣ вѣтерка,
И прячется въ саду малиновая слива
Подъ тѣнью сладостной зеленаго листка ;

Когда росой обрызганный душистой,
Румянымъ вечеромъ, иль утра въ часъ златой,
Изъ - подъ куста мнѣ ландышъ серебристый
Привѣтливо киваетъ головой ;

Когда студеный ключъ играетъ по оврагу
И, погружая мысль въ какой то смутный сонъ,
Лепечетъ мнѣ таинственную сагу
Про мирный край, откуда мчится онъ, —

Тогда смиряется души моей тревога
Тогда расходятся морщины на челѣ, —
И счастье я могу постигнуть на землѣ,
И въ небесахъ я вижу Бога.

ЛЕРМОНТОВЪ.

УТРЕННЯЯ ЗВѢЗДА.

Откуда звѣздочка краса!
Что рано такъ на небеса
Въ одеждѣ праздничной твоей
Въ огнѣ блистающихъ кудрей,
Въ красѣ воздушно-голубой,
Умывшись утренней росой?

Ты скажешь: встала раньше насъ?
Ахъ нѣтъ! мы жнемъ ужь цѣлый часъ;
Не счесть накиданныхъ сноповъ,
Кто всталъ до дня тотъ днемъ здоровъ;
Бодрѣй глядитъ на Божій свѣтъ;
Ему за трудъ вкуснѣй обѣдъ.

Другой привыкъ до полдня спать;
За то и утра не видать.
А жнецъ съ восточною звѣздой
Всегда встаютъ передъ зарей.
Работа рано по утру,
Досугъ и пѣсни ввечеру.

А птички? всё давно ужь тутъ;
Играють, свишуть и поють;
Съ куста на кустъ; изъ сѣни въ сѣнь;
Кричатъ другъ дружкѣ: добрый день.
И томно горлинки журчатъ;
Да чу! и къ заутренѣ звонять.

Вездѣ молитва началась:

» Небесный Царь, услыши насъ;
» Твое владычество приди,
» Насъ въ искушенье не введи;
» На путь спасенія наставь
» И отъ лукаваго избавь.»

За чѣмъ же звѣздочка краса
Всегда такъ рано въ небеса? . . .
Звѣзда - подружка тамъ горить.
Пока родное еолнце спить,
Спѣшать увидѣться онѣ
Въ уединенной вышинѣ.

Тайкомъ сквозь дремлющій разсвѣтъ
Она за милю во слѣдъ
Бѣжитъ сія на востокъ;
И будить ранній вѣтерокъ;
И тихо вѣя съ высоты,
Онѣ милой шепчетъ: гдѣ же ты?

Но чтожь? увидиться ли? . . . Нѣтъ,
Спѣшитъ за ними солнце вслѣдъ.
Ужь вотъ оно: востокъ зажгло,

Свой алыи завѣсъ подняло,
Надѣло знойный свой уборъ,
И ярко смотритъ изъ за горъ.

А звѣздочка? . . . Ужь не блестить;
Печально-блѣдная, бѣжить;
Подружкѣ шепчетъ: Богъ съ тобой!

И скрылась въ безднѣ голубой.

И солнцѣ на небѣ одно,

Великолѣпно и красно,

Идетъ по свѣтлой высотѣ

Въ своей спокойной красотѣ;

Затеѣлся на церкви крестъ;

И тонкій паръ встаетъ окрестъ;

И взглянетъ лишь куда оно,

Тамъ мигомъ все оживлено.

На кровлѣ аистъ носъ остритъ:

И въ небѣ ласточка кружить;

И дымъ клубится изъ печей;

И будитъ мельницу ручей;

И тихо рдѣетъ темный боръ;

И звучно въ немъ стучитъ топоръ.

Но кто тамъ въ утреннихъ лучахъ

Мелькнулъ и спрятался въ кустахъ?

Съ вѣтвей посыпалась роса.

Не ты ли, дѣвица - краса,

Душѣ сказалася моей

Веселой прелестью своей?

Будь я восточною звѣздой,
И будь на тверди голубой,
Моя звѣзда - подружка ты,
И мнѣ сіяй изъ высоты —
О звѣздочка - душа моя,
Не испугался бь солнца я.

Жуковскій.

ЛѢТНІЙ ВЕЧЕРЪ.

Знать солнышко утомлено;
За горы прячется оно
Лучь погашаетъ за лучёмъ
И алымъ тонкимъ облачкомъ,
Задрнувъ ликъ усталый свой,
Уйти готово на покой.

Пора ему и отдохнуть;
Мы знаемъ: лѣтній дологъ путь.
Вездѣ жь работа: на горахъ,
Въ долинахъ, въ рощахъ и лугахъ;
Того согрѣй; тѣмъ свѣту дай,
И всѣхъ притомъ благословляй.

Буди заснувшіе цвѣты
И имъ расписывай листы;

Потомъ медвяною росой
Пчелу работницу папой,
И чистыхъ капель межъ листовъ
Оставь про рѣзвыхъ мотыльковъ.

Зерну скорlopку расколи,
И молодую изъ земли
Былинку выведи на свѣтъ;
Пичужкамъ приготовь обѣдъ;
Тѣхъ приюти между вѣтвей;
А тѣхъ на гнѣздышкѣ согрѣй.

И вишнямъ дай румяный цвѣтъ,
Не позабудь горячій свѣтъ
Разсыпать на зеленый садъ,
И золотистый виноградъ
Отъ зноя листьями прикрыть,
И колосъ зрѣлостью палить.

А если жаръ для стадъ жестокъ,
Смани ихъ къ рощѣ въ холодокъ;
И тучку темную скопи,
И травку влагой окропи,
И яркой радугою съ небесъ,
Сойди на темный лугъ и лѣсъ.

А гдѣ подь острою косою
Трава ложится полосой,
Туда безоблачно сїяй.

И сѣно въ коннае собирай,
Чтобъ къ ночи лугъ отъ нихъ пестрѣль,
И съ ними рядъ возовъ скрипѣль!

И такъ со всѣмъ немудрено,
Что разгорѣлося оно,
Что отдыхаетъ на горахъ
Въ полупотухнувшихъ лучахъ,
И намъ сходя за небосклоуъ,
Въ прохладѣ шепчетъ: добрый сонъ.

И вотъ сошло, и свѣтъ потухъ;
Одинъ на башнѣ лишь пѣтухъ
За нимъ глядитъ сіяя вслѣдъ
Гляди, гляди; въ томъ пользы нѣтъ!
Сей часъ оно передъ тобой
Задернетъ алый завѣсъ свой.

Есть и про солнышко бѣда;
Нѣтъ ладу съ сыномъ никогда,
Оно лишь только въ глубину,
А онъ какъ разъ на вышину,
Того и жди что заблеститъ;
Давно за горкой онъ сидитъ.

Но чтожь тамъ медлитъ онъ вставать?
Все хочетъ солнце переждать,
Вставай, вставай, уже давно
Заснуло въ сумеркахъ оно,

И вотъ онъ всходитъ; въ долъ глядитъ,
И блѣдно зелень серебритъ.
И почъ ужъ на небо взшла,
И тихо на небѣ зажгла
Гостепріимные огни;
И все замолкнуло въ тѣни:
И по долинамъ, по горамъ
Все спитъ пора ко сну и намъ.

Жуковскій.

ВОДОПАДЪ и РУЧЕЙ.

Кипящій Водопадъ, свергаяся со скалъ,
Щѣлбному ключу съ надмѣніемъ сказалъ
(Который подъ горой едва лишь былъ примѣтенъ,
Но силой славился своей):
» Не странно ль это? Ты такъ малъ, водой
такъ бѣденъ,
А у тебя всегда премножество гостей? «
Не мудро, коль мнѣ приходитъ кто дивиться;
Къ тебѣ зачѣмъ идутъ? « — лечится,
Смиренно прожурчалъ Ручей.

К Р Ы Л О В Ъ .

МОЛИТВА.

Въ минуту жизни трудную

Тѣнится ль въ сердце грусть:

Одну молитву чудную

Твержу я панзую.

Есть сила благодатная

Въ созвучи словъ живыхъ,

И дышитъ непонятная,

Святая прелесть въ нихъ.

Съ души какъ бремя скатится,

Сомнѣнье далеко —

И вѣрится, и плачется,

И такъ легко, легко

ЛЕРМОНТОВЪ.

Т У Ч А.

Послѣдняя туча разсѣянной бури!

Одна ты несешься по ясной лазури,

Одна ты наводишь унылую тѣнь,

Одна ты печалишь ликующій день.

Ты небо недавно кругомъ облежала,

И молнія грозно тебя обвивала;

И ты издавала таинственный громъ

И алчную землю поила дождемъ.

Довольно, сокройся! Пора миновалась,

Земля освѣжилась и буря промчалась,

И вѣтеръ, лаская листочки деревьевъ,

Тебя съ успокоенныхъ гонить небесъ.

Пушкинъ.

МОЛОТОКЪ и ГВОЗДЬ.

А Р У Т

По милости твоей я весь насквозь расколотъ —

Кирпичъ пѣняль гвоздю: за что такая
злость?

За то, что въ голову меня колотитъ молотъ,

Сказаль съ досадою гвоздь.

К и. В я з е м с к и й.

а н н а ш у и

ЧИЖЪ и ЗЯБЛИЦА.

Чижъ свилъ себѣ гнѣздо, и сидя въ немъ поеть:

» Ахъ! скороль солнышко взойдетъ,

И съ домикомъ меня застанетъ?

Ахъ! скоро ли оно проглянетъ?

Но вотъ ужъ и вошло! какъ тихо и красно!

Какая въ воздухѣ, въ дыханьѣ, въ жизни сладость!

Ахъ! я такого дня не видывалъ давно. «

Но безъ товарища и радуетъ намъ не въ радость:

Желаешь для себя, а ищешь раздѣлить!

» Любезна Зяблица! кричитъ мой Чижъ сосѣдкѣ,

Смиренно прикорнувшей къ вѣткѣ:

Что ты задумалась? давай-ка день хвалить!

Смотри какъ солнышко . . . « — Но солнце вдругъ со-
крылось,

И небо тучами отвсюду обложилось;

Все птицы спрятались, кто въ гнѣзды, кто въ рѣку,

Лишь галки стаями гуляютъ по песку,

И крикомъ бурю вызываютъ:

Да ласточки еще надъ озеромъ летаютъ;

Быкъ, шею вытянувъ, подь плугомъ заревѣлъ,
А конь поднявши хвостъ и разметавши гриву,
Ржетъ, пышетъ и летитъ чрезъ ниву.
И вдругъ ужасный вихрь со свистомъ возшумѣлъ!
Со трескомъ грянулъ громъ, ударилъ дождь со гра-
домъ,

И пали пастухи со стадомъ.
Потомъ прошла гроза и солнце разсвѣло,
Все стало ярче и свѣтлѣе
Цвѣты душистѣе, деревья зеленѣе —
Лишь домикъ у Чижа куда-то занесло.
О бѣдненькій мой Чижъ! онъ, мокрыми крилами
Насилу шевеля, къ сосѣдушкѣ летитъ,
И ей со вздохомъ и слезами
Носокъ повѣся говоритъ:
» Ахъ! всякъ своей бѣдой ума себѣ прикупитъ,
Впредь утро похвало, какъ вечеръ ужъ пастушитъ. «

Д М И Т Р И Е В Ъ.

СОНЕТЪ.

Что вдали блеснуло и дымится?
Что за громъ раздался по заливу?
Подо мной конь вздрогнулъ, поднялъ гриву,
Звонко ржетъ, грызетъ узду, бодрится.

Снова блескъ громъ, грянувъ долго длится,
Отданный прибрежному отзыву
Зевсъ ли то, гремя, летитъ на пиву
И она, роскошная, плодится?

Нѣтъ, то флотъ. Вотъ выплыли вѣтрилы,
Притекли громада за громадой:
Нашъ Орелъ надъ Русскою армадой
Разпростеръ блистательныя крылы,
И гласить: » Съ кѣмъ испытать мнѣ силы?
Кто дерзнетъ и станетъ мнѣ преградой?

Баронъ Дельвицъ.

ПЪСНЯ.

Розы разцвѣтають,
Сердце, отдохни;
Скоро засіяють
Благодатны дни;
Все съ зимой ненастной
Грустное пройдетъ;
Сердце будетъ ясно;
Розою прекрасной
Счастье разцвѣтетъ.

Розы разцвѣтають —
Сердце, уповай;
Есть, намъ общають,
Гдѣ то лучшій край.
Вѣчно молодая

Тамъ весна живетъ ;
Тамъ въ долинь райа
Жизнь для насъ иная
Розой разцвѣтетъ.

Жуковскій.

Розой развѣтлалъ,
Жизнь дѣвъ павъ дѣла
Тѣмъ въ долинѣ дѣл
Тѣмъ вѣсна жинетъ.

Жизнь дѣвъ

УТЕСЪ.

Отвсюду объятый равниною моря,
Утесъ гордо высится, — мраченъ, суровъ,
Незыблемъ стоитъ онъ, въ могущество споря
Съ прибоями волнъ и съ напоромъ вѣковъ.
Валы только лижутъ могучаго пяты;
Отъ времени только бразды вдоль чела;
Мохъ сѣрый ползетъ на широкіе скаты, —
Сѣдая вершина — престолъ для орла.

Какъ въ плащъ исполнивъ весь во мглу завер-
нулся,

Поникъ, будто въ думахъ, косматой главой;
Безстрашно надъ моремъ всѣмъ становъ нагнулся
И грозно нависнулъ надъ бездной морской.
Вы ждете — падетъ онъ, — не ждите паденья!
Наклонно онъ сталъ, чтобы сверху взирать
На слабыя волны съ усмѣшкой презрѣнья
И смертнаго взоры отвагой пугать.

Онъ хладенъ, но жаръ въ немъ закованъ
природный:

Во дни чудодѣйства зиждительныхъ силъ
Онъ силой огня — сынъ огня первородный —
Изъ сердца земли мощно выдвинуть былъ! —
Взлетѣлъ, и застылъ онъ твердыней гранита;
Ему не живителенъ солнечный лучъ:
Для нѣгъ его грудь вѣковая закрыта;
И дикъ и угрюмъ онъ: за то онъ могучъ!

За то онъ неистойвой радостью блещетъ;
Какъ вѣтры помчатся въ разгульный свой путь;
Когда въ него море бурунами хлещетъ,
И прыгаетъ жадно гиганту на грудь. —
Вотъ молніи пламя надъ нимъ засверкало,
Перунъ свой ударъ ему въ темя нанесъ —
Что - жъ? — огненный змѣй изломилъ свое жало,
И весь невинный хохочетъ утесъ.

БЕНЕДИКТОВЪ.

РОДИНА.

Есть любимый сердца край;
Память съ нимъ не разлучится,
Бездны моря преплывай,
Онъ вездѣ невольно снится.

Помнишь хижинъ скромныхъ рядъ,
Съ холма на берегъ идущій,
Гдѣ стоитъ знакомый садъ
И журчитъ ручей бѣгущій.

Видишь: гнется до зыбей
Распустившаяся ива,
И цвѣтеть среди полей
Зеленѣющая ива.

На лугахъ, въ тѣни кустовъ,
Стадо вольное играетъ;
Мнится вѣтеръ съ тѣхъ луговъ
Запахъ милый навѣваетъ,

Лицъ привѣтливыхъ черты,
Слуху сладостныя рѣчи —
Узнаешь въ забвеньи ты,
Безъ привѣта и безъ встрѣчи.

Возвращаешь давнихъ дней
Неоплаканную радость,
И опять объемлешь въ ней
Обольстительницу - младость.

Долго ль мнѣ въ мечтѣ одной
Зрѣть тебя, страна родная,
И бесплодной жить тоской,
Къ небу руки простирая?

Хоть бы разъ глаза возвесть
Далъ мнѣ рокъ на кровъ домашній,
И съ родными рядомъ сѣсть
За некупленныя брашны!

Плетневъ.

АПОЛОГЪ.

Между репейникомъ и розовымъ кустомъ;
Фиалочка себя отъ зависти скрывала;
Безвѣстною была, но горестей не знала. —
Тотъ счастливъ кто своимъ доволенъ уголкомъ.

* * *

Я В С Н А .
ПТИЧКА.

Вчера я растворилъ темницу
Воздушной плѣнницы моей;
Я рощамъ возвратилъ пѣвицу,
Я возвратилъ свободу ей.
Она исчезла, утопая
Въ сіяньи голубаго дня,
И такъ заплѣла, улетаая,
Какъ бы молилась за меня.

Туманскій.

ВЕСНА.

Уже душистѣй стали ели,
И пахнетъ въ воздухѣ смолой;
Уже луга зазелѣнѣли,
И мохъ кудрится надъ скалой.

Раздѣлись синіе заливы,
И лодки ходятъ по рѣкѣ;
Уже заколосились нивы
И слышно стадо вдалекѣ . . .

И воздухъ полонъ тишиною,
И какъ имъ сладостно дышать!
Такъ сердце съ жизнью неземною
Вдыхаетъ неба благодать!

Г л и н к а .

МАДОНА.

Близъ Пизы, въ Италиі, въ полѣ пустомъ,
(Не зрѣлось жимья на полмили кругомъ)

Межъ древнихъ развалинъ стояла лачужка ;
Съ молодежкой дочкой жила въ ней старушка.

Съ разсвѣта до ночи за тяжкимъ трудомъ ,
А все таки голодь имъ часто знакомъ.

И дочка порою душой унывала ;
Терпѣнемъ скудѣя на Бога роптала.

Не плачь, не крушился ты, солнце мое !
Тогда утѣшала старушка ее.

Не плачь, перемѣнитси доля крутая :
Придетъ къ намъ на помощь Мадона святая.

Да ликъ ея вѣру въ тебѣ укрѣпитъ :
Смотри, какъ привѣтно съ холста онъ глядитъ !

Старушка смиренная съ рѣчью такою,
Бывало крестилась дрожащей рукою.

И съ теплою вѣрою въ сердцѣ простомъ,
Она съ умиленьемъ и кроткимъ лицомъ,

На живопись темную взоръ подымала,
Что уголь въ лачужкѣ безъ рамъ занимала.

Но больше и больше нужда ихъ тѣснить,
Дочь плачетъ, старушка свое говоритъ.

Съ утра по рупнамъ бродилъ любопытный:
Забылся красѣ ихъ дивясь ненасытный.

Кровь нуженъ ему отъ полдневныхъ лучей;
Стучится къ старушкѣ и входитъ онъ къ ней.

На лавку сядилъ пришлецъ утомленный,
Но вспрынулъ картиною вдругъ пораженный.

» Божественный образъ! чья кисть это, чья?
О, какъ не узнать мнѣ! Корреджій, твоя!

И въ хижинѣ этой творенье таится
Которымъ и Царскій дворецъ возгордится!

Старушка, продай мнѣ картину свою,
Тебѣ за нее я сто пиастровъ даю. «

— Синьоръ, я бѣдна, но душой не торгую:
Продать не могу я икону святую. —

» Я двѣсти даю, согласеня продать. «
— Синьоръ, Синьоръ бѣдность грѣшно искушать.

Упрямства не могъ побѣдить онъ въ старушкѣ:
Осталась картина въ убогой лачужкѣ.

Но вскорѣ потомъ по Италиі всей
Летучая вѣсть разнеслася о ней.

Къ старушкѣ моей гость за гостемъ стучится
И дверь отворяя старушка дивится.

За входъ она малую плату беретъ
И съ дочкой своею безбѣдно живетъ.

Прекрасно и чудно! о вѣра живая!
Тебя оправдала Мадопа святая.

БАРАТЫНСКІЙ.

ВѢТКА ПАЛЕСТИНЫ.

Скажи мнѣ, вѣтка Палестины:
Гдѣ ты росла, гдѣ ты цвѣла?
Какихъ холмовъ, какой долины
Ты украшеніемъ была?

У водъ ли чистыхъ Иордана
Востока лучъ тебя ласкалъ,
Ночной ли вѣтръ въ горахъ Ливана
Тебя сердито колыхалъ?

Молитву ль тихую читади,
Иль пѣли пѣсни старины,
Когда листы твои сметали
Солима бѣдные сыны?

И пальма та жива ль понынѣ?
Все такъ же ль машитъ въ лѣтній зной

Она прохожаго въ пустыщѣ
Широколиственной главой?

Или, въ разлукѣ безотрадной,
Она увяла какъ и ты,
И дольній прахъ ложится жадно
На пожелтѣвшіе листы? . . .

Повѣдай: набожной рукою
Кто въ этотъ край тебя занесъ?
Грустилъ онъ часто надъ тобою?
Хранишь ты слѣдъ горючихъ слезъ?

Иль Божіей рати лучшей воинъ,
Онъ былъ, съ безоблачныхъ челомъ,
Какъ ты, всегда небесъ достоинъ
Передъ людьми и Божествомъ? . . .

Заботой тайною хранима,
Передъ иконой золотой
Стоишь ты, вѣтвь Ерусалима,
Святыни вѣрныи часовой!

Прозрачный сумракъ, лучъ лампы,
Кивотъ и крестъ, символъ святой
Все полно мира и отрады
Вокругъ тебя и надъ тобой.

ЛЕРМОНТОВЪ.

МОНАСТЫРЬ на КАЗБЕКЪ.

Высоко надъ семьею горъ,
Казбекъ, твой царственный шатеръ
Сіяетъ вѣчными лучами,
Твой монастырь за облаками,
Какъ въ небѣ рѣющій ковчегъ,
Паритъ, чуть видный, надъ горами.
Далекій, возделенный брегъ!
Туда бѣ сказавъ прости ущелью,
Подняться въ вольной вышинѣ:
Туда бѣ, въ заоблачную келью,
Въ сосѣдство Бога скрыться мнѣ!...

Пушкинъ.

ДУБЪ И ТРОСТЬ.

Съ тростинкой Дубъ однажды въ рѣчь вошелъ.

— » По истинѣ, роптать ты въ правѣ на природу.«

Сказалъ онъ: » воробей, и тотъ тебѣ тяжель.

Чуть легкій вѣтерокъ подернетъ рябью воду,

Ты зашатаешься, начнешь слабѣть,

И такъ нагнешься сиротливо,

Что жалко на тебя смотрѣть.

Межъ тѣмъ, какъ, наравнѣ съ Кавказомъ горделиво,

Не только солнца я препятствую лучамъ,

Но посмѣваяся и вихрямъ и грозамъ,

Стою я твердь и прямъ.

Какъ будтобъ огражденъ ненарушимымъ миромъ:

Тебѣ все бурей — мнѣ все кажется зефиромъ.

Хотябъ ужъ ты въ окружности росла,

Густою тѣнію вѣтвей моихъ покрытой:

Отъ непогодъ бы я быть могъ тебѣ защитой;

Но вамъ въ удѣлъ природа отвела

Брега бурливаго эолова владѣнья:

Конечно, нѣтъ совсѣмъ у ней о васъ радѣнья, «

— » Ты очень жалостливъ;« сказала Трость въ от-

вѣтъ,

» Однако не крушись: мнѣ столько худа пѣтъ,
Не за себя я вихрей опасуюсь:
Хоть я и гнусь, по целомаюсь:
Такъ бури мало мнѣ вредятъ;
Едваль не болѣе тебѣ онѣ грозятъ!
То правда, что еще доселѣ ихъ свирѣпость
Твою не одолѣла крѣпость,
И отъ ударовъ ихъ ты не клонилъ лица:
Но — подождемъ конца.»
Едва лишь это Трость сказала,
Вдругъ мчится съ сѣверныхъ сторонъ
И съ градомъ, и съ дождемъ шумящій аквилонъ.
Дубъ держится, — къ землѣ Тростиночка припала,
Бушуетъ вѣтръ, удвоилъ силы онъ,
Взревѣлъ, и вырвалъ съ корнемъ вонъ
Того, кто небесамъ головой своей касался
И въ области тѣней пятою упирался.

Крыловъ.

КЪ ПОЛЯРНОЙ ЗВѢЗДѢ.

Небо полночное звѣздъ мириадами
Взорамъ безсоннымъ блеститъ ;
Дивный вѣнецъ его свѣтитъ Плеядами ,
Альдебораномъ горитъ.
Пышныхъ тѣхъ звѣздъ красоту лучезарную
Бѣгло мой взоръ миновалъ ,
Все облетѣлъ, но упавъ на полярную
Вдругъ , какъ прикованный , сталъ.
Тихо горитъ ты, дочь неба прелестная,
Послѣ докучнаго дня ;
Томно и сладостно, дѣва небесная ,
Смотришь съ небесъ на меня.
Жителя сѣвера ночь необъятная
Топить въ лукавую тьму ;
Ты безвосходная, ты беззакатная
Солнце почное ему.

Въ длинную ночь селянинъ озабоченный,
Взоры стремя къ высотамъ,
Ждетъ, не пропуститъ поры обуроченной;
Онъ наглядитъ ее тамъ,
Гдѣ Колесница небесъ безъ отъѣздная
Искрой полярной блеститъ;
Тамъ въ книгѣ звѣздной предъ нимъ семизвѣздная
Времени буква стоитъ.

Плаватель по морю бурному носится —

Гдѣ - бы маякъ проблеснулъ?

У моря жаднаго дна не допросится, —

Берегъ — давно потонулъ.

Тамъ его берегъ, гдѣ ты зажигаешься

Горній маякъ для очесъ!

Тамъ его дно, гдѣ ты въ небо вливаешься,

Сребренный якорь небесъ!

Вижу: свѣтилъ хороводъ обращается —

Ты неподвижна одна.

Ликъ неба синяго чудно мѣняется —

Ты неизмѣнно вѣрна.

Не отъ того - ли такъ сердцу мечтателя

Милъ твой таинственный лучъ?

Молви, не ты - ли въ десницѣ Создателя,

Звѣздочка, вѣчности ключъ?

БЕНЕДИКТОВЪ.

СПОРЪ.

Какъ - то разъ передъ толпою
Соплеменныхъ горъ
У Казбека съ Шатъ - горою
Былъ великій споръ.
» Берегись! « сказалъ Казбеку
Сѣдовласый Шатъ:
» Покорился человѣку
Ты не даромъ братъ!
Онъ настроитъ дымныхъ желій
По уступамъ горъ:
Въ глубинѣ твоихъ ущелій
Загремитъ топоръ;
И желѣзная лопата
Въ каменную грудь,
Добывая мѣдь и злато,
Врѣжетъ страшный путь.
Ужъ проходятъ караваны
Черезъ тѣ скалы,
Гдѣ носились лишь туманы,
Да Цари - орлы.

Люди хитры! Хоть и трудень
Первый былъ скачекъ
Берегитесь! многолюденъ
И могучь Востокъ! «
— Не боюся я Востока!
Отвѣчалъ Казбекъ:
Родъ людской тамъ спитъ глубоко
Ужь девятый вѣкъ.
Посмотри: въ тѣни чинары
Пѣну сладкихъ винъ
На узорные шальвары
Сонный летъ Грузинъ;
И, склонясь въ дыму каляна
На цвѣтной диванъ,
У жемчужнаго фонтана
Дремлетъ Тегеранъ.
Вотъ у ногъ Ерусалима,
Богомъ сожжена
Безглагольна, недвижима
Мертвая страна;
Дальше, вѣчно чуждый тѣни,
Моетъ желтый ниль
Разкаленные ступени
Царственныхъ могилъ.
Бедуинъ забылъ пафзды
Для цвѣтныхъ шатровъ,
И поетъ, считая звѣзды,
Про дѣла отцовъ.
Все, что здѣсь доступно поку,
Спитъ, покой цѣня,

Нѣтъ, не дряхлому Востоку
Покорить меня!

— » Не хвались еще заранѣ!
Молвилъ старый Шатъ:
» Вотъ на сѣверѣ въ туманѣ
Что-то видно, братъ!

Тайно былъ Казбекъ огромный
Вѣстью той смущонъ;
И, смутясь, на сѣверъ темный
Взоры кинулъ онъ;
И туда въ недоумѣньѣ
Смотрить, полный думъ:
Видитъ странное движенье,
Слышитъ звонъ и шумъ;
Отъ Урала до Дуная,
До большой рѣки,
Колыхаясь и сверкая
Двигутся полки;
Вбѣютъ бѣлые султаны,
Какъ степной ковыль,
Мчатся пѣстрые уланы,
Подымая пыль;
Боевые баталіоны
Тѣсно въ рядъ идутъ,
Впереди несутъ знамены,
Въ барабаны бьютъ;
Батарей мѣднымъ строемъ

Скачутъ и гремятъ,
И, дымясь, какъ передъ боемъ,
Фитили горять.

И испытанный трудами
Бури боевой,

Ихъ ведетъ, грозя очами,
Генералъ съдой.

Идутъ всѣ полки могучи,
Шумны какъ потокъ,

Страшно — медленны какъ тучи,
Прямо на Востокъ.]

И, томимъ злобщей думой,
Полный черныхъ сновъ,

Сталь считать Казбекъ угрюмый,
И не счелъ враговъ.

Грустнымъ взоромъ онъ окинулъ
Племя горъ своихъ,

Шапку на брови надвинулъ —
И навѣкъ затихъ.

ЛЕРМОНТОВЪ.

Весна, весна! какъ воздухъ чистъ!
Какъ ясенъ небосклонъ!
Своей лазурию живой
Слѣпнѣтъ мнѣ очи онъ

Весна, весна! какъ высоко
На крыльяхъ вѣтерка,
Ласкаясь къ солнечнымъ лучамъ,
Летаютъ облака!

Шумятъ ручьи! блестятъ ручьи!
Взревѣвъ, рѣка несетъ
На торжествующемъ хребтѣ
Поднятый ею ледъ!

Еще древа обнажены,
Но въ рощѣ ветхой листь,
Какъ прежде подъ моею ногой,
И шуметь и душистъ.

Подъ солнце самое взвился
И въ яркой вышинѣ
Незримый жавронокъ поетъ
Заздравный гимнъ веснѣ.

Что съ нею, что съ моей душой?
Съ ручьемъ, она ручей
И съ птичкой птичка! съ нимъ журчитъ,
Летаетъ въ небѣ съ ней!

Зачѣмъ такъ радуется ея
И солнце и весна!
Ликуетъ ли какъ дочь стихій
На пирѣ ихъ она?

Что нужды! счастливъ, кто на немъ
Забвенные мысли пьетъ,
Кого далеко отъ неа
Онъ дивный унесетъ!

БАРАТЫНСКІЙ.

ОРЕЛЬ и ПЧЕЛА.

Счастливъ, кто на чредѣ трудится знаменитой :
Ему и то ужь силы придаетъ,
Что подвиговъ его свидѣтель цѣлый свѣтъ.
Но сколь и тотъ почтенъ, кто въ низости сокры-
той,
За всѣ труды, за весь потерянный покой,
Ни славою, ни почестями не льстится,
И мыслью оживленъ одной:
Что къ пользѣ общей онъ трудится.

Увидя, какъ Пчела хлопочетъ вокругъ цвѣтка,
Сказалъ Орель однажды ей съ презрѣньемъ:
» Какъ ты, бѣдняжка мнѣ жалка,
Со всей твоей работой и съ умѣньемъ!
Васъ въ улыбѣ тысячи все лѣто лѣпятъ соты:
Да кто же послѣ разберетъ
И отличить твои работы?
Я право не пойму охоты:

Трудиться цѣлый вѣкъ, и чтожь имѣть въ виду?

Безвѣстной умереть со всѣми на ряду!

Какая разница межъ нами!

Когда, расширися шумящими крылами,

Ношуся я подя облаками,

То всюду разсѣваю страхъ:

Не смѣютъ отъ земли пернатыя подняться

Не дремлютъ пастухи при тучныхъ ихъ стадахъ;

Ни лани быстрыя не смѣютъ па поляхъ,

Меня завидя, показаться. «

Пчела отвѣтствуетъ: — Тебѣ хвала и честь!

Да продлитъ надъ тобой Зевесъ свои щедроты!

А я, родясь труды для общей пользы несть,

Не отличать ишу свои работы,

Но утѣшаюсь тѣмъ, на наши смотря соты,

Что въ нихъ и моего хоть капля меду есть. «

Крыловъ

СОНЪ.

Заснувъ на холмѣ луговомъ,
Вблизи большой дороги,
Я унесенъ былъ легкимъ сномъ
Туда гдѣ жили боги.

Но я проснулся наконецъ
И смутно озирался
Дорогой шель молодой пѣвецъ,
И съ пѣньемъ удалялся.

Вдали пропалъ за рощей онъ —
Но струны все звенѣли.
Ахъ, не онъ ли дивный сонъ
Мнѣ на душу напѣли?

Жуковскій.

КАЗАЧЬЯ

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПѢСНЯ.

Спи, младенецъ мой прекрасный,
Баюшки - баю.

Тихо смотритъ мѣсяцъ ясный
Въ колыбель твою.

Стану сказывать я сказки,
Пѣсенку спою;

Тыжь дремли, закрывши глазки;
Баюшки - баю.

По камнямъ струится Терекъ,
Плещетъ мутный валъ;

Злой Чеченъ ползетъ на берегъ,
Точитъ свой кинжалъ;

Но отецъ твой старый воинъ,
Закаленъ въ бою;

Спи малютка, будь покоенъ,
Баюшки - баю.

Самъ узнаешь, — будетъ время, —
Бранное житье;
Смѣло вдѣнешь погу въ стремя
И возмешь ружье.
Я съдельцо боевое
Шолкомъ разовью
Спи дитя мое родное,
Баюшки - баю.

Богатырь ты будешь съ виду
И казакъ душой,
Провожать тебя я выйду —
Ты махнешь рукой . . .
Сколько горькихъ слезъ украдкой
Я въ ту ночь пролью! . . .
Спи мой ангелъ, тихо, сладко,
Баюшки - баю.

Стану я тоской томиться,
Безутѣшно ждать;
Стану цѣлый день молиться,
По ночамъ гадать;
Стану думать, что скучаешь
Ты въ чужомъ краю . . .
Спижь, пока заботъ не знаешь,
Баюшки - баю.

Дамъ тебѣ я на дорогу
Образокъ святой:

Ты его моляся Богу,
Ставь передь собой;
Да готовясь въ бой опасный,
Помни мать свою . . .
Спи младенецъ мой прекрасный,
Баюшки - баю.

ЛЕРМОНТОВЪ:

ДЕРЕВО.

Увидя, что топоръ крестьянинъ несъ,
» Голубчикъ, « Дерево сказало молодое:
» Пожалуй, вырубь вокругъ меня ты лѣсъ;
Я не могу расти въ покоѣ:
Ни солнца мнѣ не видѣнъ свѣтъ,
Ни для корней моихъ простору нѣтъ,
Ни вѣтеркамъ вокругъ меня свободы;
Такіе надо мной онъ сплестъ изволилъ своды!
Когдабъ не отъ него расти помѣха мнѣ,
Я въ годъ бы сдѣлалось красою сей страпѣ,
И тѣнью бы моею покрылась вся долина;
А нынѣ тонко я, почти какъ хворостина. «
Взялся крестьянинъ за топоръ
И дереву какъ другу.
Онъ оказалъ услугу:
Вкругъ Деревца большой очистился просторъ,
Но торжество его недолго было!
То солнцемъ Дерево печетъ,
То градомъ, то дождемъ сѣчетъ,

И вѣтромъ наконецъ то Дерево сломило,
» Безумное! « ему сказала тутъ змѣя:
 Не отъ тебя ль бѣда твоя?
Когда бъ, укрытое въ лѣсу ты возрастало:
Тебѣ бъ вредить ни зной, ни вѣтры не могли,
 Тебя бы старыя деревья берегли;
А если бъ нѣкогда деревьевъ тѣхъ не стало,
 И время ихъ бы отошло:
Тогда, въ свою чреду, ты столько бъ возрасло.
 Усилилось и укрѣпилось,
Что нынѣшней бѣды съ тобой бы не случилось,
И бурю, можетъ быть, ты бъ выдержать могло! «

Крыловъ.

НОЧЬ.

Уже утомившійся день
Склонился въ багряныя воды,
Темибють лазурные своды,
Прохладна стелется тѣнь;
И ночь молчаливая мирно,
Пошла по дорогѣ эопріой,
И Гесперь летитъ передъ ней
Съ прекрасной звѣздою своею.
Сойди, о небесная, къ намъ
Съ волшебнымъ твоимъ покрываломъ,
Съ цѣлебнымъ забвенья оіадомъ,
Дай мира усталымъ сердцамъ.
Своимъ миротворнымъ явленьемъ,
Своимъ утѣшительнымъ пѣньемъ,
Томимую душу тоской,
Какъ мать дитя, успокой.

Жуковскій.

КАВКАЗЪ.

Кавказъ подо мною. Одинъ въ вышинѣ
Стою надъ снѣгами у края стремнины:
Орель, съ отдаленной поднявшись вершины,
Паритъ неподвижно со мной наравнѣ.
Отсель я вижу потоковъ рожденье
И первое грозныхъ обваловъ движенье.
Здѣсь тучи смиренно идутъ подо мной;
Сквозь нихъ низвергаясь шумятъ водопады;
Подъ ними утесовъ нагія громады;
Тамъ ниже мохъ тощій, кустарникъ сухой;
А такъ уже рощи, лемныя сѣни,
Гдѣ птицы щебечуть, гдѣ скачутъ олени.

А тамъ ужь и люди гнѣздятся въ горахъ,
И ползаютъ овцы по злачнымъ стремнинамъ,
И пастырь нисходитъ къ веселымъ долинамъ,

Гдѣ мчится Арагва въ тѣнистыхъ брегахъ.
И нищій паѣздникъ таится въ ущельи,
Гдѣ Терекъ играетъ въ свирѣпомъ весельи.

Играетъ и воетъ, какъ звѣрь молодой,
Завидѣвшій пищу изъ клѣтки желѣзной;
И бьется о берегъ въ враждѣ бесполезной
И лижетъ утесы голодной волной
Вотще! нѣтъ ни пищи ему, ни отрады:
Тѣснять его грозно нѣмыя громады.

Пушкинъ.

СОСНА.

На сѣверѣ дикомъ стоитъ одиноко
На голой вершинѣ сосна,
И дремлетъ, качаясь, и снѣгомъ сыпучимъ
Одѣта, какъ ризой, она.
И снится ей все, что въ пустынь далекой,
Въ томъ краѣ, гдѣ солнца восходъ,
Одна и грустна на утесѣ горячемъ
Прекрасная пальма растеть.

ДЕРМОНТОВЪ.

ПЕТРОГРАДЪ.

Море спорило съ Петромъ:

Не построишь Петрограда,

« Покачу я Шведскій громъ,

« Кораблей крылатыхъ стадо.

« Хлынетъ вспять моя Нева

« Ополченная водами

« За отъятыя права

« Отомщу ея волнами.

« Что тебѣ мои поля,

« Вѣчно полныя волненій?

« Велика твоя земля,

« Не озрѣть твоихъ владѣній!»

Глухо Петръ внималъ рѣчамъ,

Море злилось и шумѣло:

По синѣющимъ устамъ

Пѣна бѣлая кипѣла.

Рѣчь Петра гремитъ въ отвѣтъ:

- »Сдайся, дерзостное море! —
- »Нѣтъ — такъ пусть узнаетъ свѣтъ:
- »Кто изъ насъ могучей въ спорѣ?
- »Станетъ градъ же, нареченъ
- »По строителѣ высокому,
- »Для моей Россіи онъ
- »Просвѣщенья будетъ окомъ. —

- »По хребтамъ твоихъ же водъ,
- »Благодарна, изумленна,
- »Плодъ наукъ мнѣ принесетъ,
- »Въ пользу чадъ моихъ вселенна. —
- »И съ твоихъ же береговъ
- »Да узрятъ народы славу
- »Руси бодрственныхъ сыновъ
- »И окрѣпшую державу.»

Рекъ могучій — и рѣчамъ

Море вторило сурово,
Пѣна билась по устамъ;
Но сбылось Петрово слово.
Чу! . . . въ Рифей стучить булатъ,
Истекаютъ рѣки злата
И родится чудо - градъ,
Изъ неплодныхъ топей блата:

Тяжкой движется стопой
Исполнивъ - гранитъ упорный

И прие́млетъ видъ живо́й
Млату бо́дрому покорный, —
И въ основу зыбямъ блатъ
Улеглись милліоны;
Всходятъ храмы изъ громадъ
И чертоги и колонны.

Шпиць, прорѣзавъ нѣдра тучь,
Съ башни вспыхнулъ величавый,
Какъ ниспадшій солнца лучъ —
Или лучъ Петровой славы.
Что чернѣетъ лоно водъ?
Что шумятъ валы морскія?
То дары Петру несетъ
Побѣжденная стихія.

Прилетѣли корабли,
Вышли чуждые народы;
И Россіи принесли
Дань наукъ и плодъ свободы,
Отряхнувъ она съ очей
Мракъ невѣжественной ночи
Къ свѣту утреннихъ лучей
Отверзаетъ бодро очи.

Помнитъ древнюю вражду,
Помнитъ мстительное море
И да мщенья приметъ мзду,
Шлетъ на градъ потомъ и горе.

Ополчается Нева,
Но отъ твердаго гранита
Не отъявъ свои права,
Удаляется сердита.

На отломокъ дикихъ горъ
На конѣ взлетѣлъ строитель,
На добычу острый взоръ
Устремляетъ побѣдитель;
Зоркій стражъ своихъ работъ
Взоромъ сдерживаетъ море,
И насмѣшливо зоветъ:
» Кто жь изъ насъ могучей въ споръ? «

ШЕВЫРЕВЪ.

БОЖЕ! ЦАРЯ ХРАНИ.

Боже! Царя храни!

Славному долги дни

Дай на земли;

Гордыхъ смирителю,

Слабыхъ хранителю

Всѣхъ путѣшителю

Все ниспошли,

Тамъ громкой славою,

Сильной державою

Миръ онъ покрылъ;

Здѣсь — безмятежною

Сѣбною надежною

Благостью пѣжною

Насъ осѣнилъ.

Брани въ ужасный часъ

Мощно хранила насъ

Вѣрная длань:

Гласъ умиленія

Благодаренія,

Сердца сремленія —

Вотъ наша дань!

Пушкинъ.

Дубовый листокъ оторвался отъ вѣтки родимой
И въ степь укатился, жестокою бурей гонимый,
Засохъ и увялъ онъ отъ холода, зноя и горя,
И вотъ наконецъ, докатился до Чернаго Моря:
У Чернаго Моря чинара стоитъ молодая;
Съ ней шепчется вѣтеръ, зеленя вѣтки лаская:
На вѣткахъ зеленыхъ качаются райскія птицы,
Поютъ онѣ пѣсни про славу морской царь-дѣвицы.
И странникъ прижался у корня чинары высокой
Приюта на время онъ молитъ съ тоскою глубокой,
И такъ говоритъ онъ: « Я бѣдный листочикъ дубовой,
» До срока созрѣлъ я и выросъ въ отчизнѣ суровой.
» Одинъ и безъ цѣли по свѣту пошуся давно я,
» Засохъ я безъ тѣни, увялъ я безъ сна и покоя,—
» Прійми же пришельца межъ листьевъ своихъ изумрудныхъ:
» Не мало я знаю разказовъ мудреныхъ и чудныхъ. «

— На что мнѣ тебя? « отвѣчаетъ младая чинара:
— Ты пылень и желтъ, и сынамъ моимъ свѣжимъ
не пара.

Ты много видалъ, да къ чему мнѣ твои небылицы?
Мнѣ слухъ утомили давно ужъ и райскія птицы..
Иди себѣ дальше, о странникъ! тебя я не знаю:
Я солнцемъ любима, цвѣту для него и блистаю;
По небу я вѣтви раскинула здѣсь на просторѣ,
И корни мои умываетъ покорное море.

ДЕРМОНТОВЪ.

АКВИЛОНЪ.

Зачѣмъ ты, грозный Аквилонъ,
Тростникъ болотный долу клонишь?
Зачѣмъ на дальній небосклонъ
Ты облако столь гнѣвно гонишь?

Недавно черныхъ тучъ грядой
Сводъ неба глухо облакался
Недавно дубъ надъ высотой
Въ красѣ надменной величался.

Но ты поднялся, ты взыгралъ,
Ты прошумѣлъ грозой и славой —
И бурны тучи разогналъ
И дубъ низвергнулъ величавый.

Пускай же солнца ясный ликъ
Отнынѣ радостью блистаетъ
И облакомъ зефиръ играетъ
И тихо зыблется тростникъ.

П у ш к и н ъ.

УЗНИКЪ КЪ МОТЫЛКУ

ВЛЕТѢВШЕМУ ВЪ ЕГО ТЕМНИЦУ.

Откуда ты, ээира житель?
 Скажи нежданный гость небесъ;
 Какой зефиръ тебя занесъ
 Въ сію печальную обитель?
 Увы, денницы милый свѣтъ
 До сводовъ сихъ не достигаетъ;
 Въ сей безднѣ ужасъ обитаетъ;
 Веселья здѣсь и слѣду нѣтъ.

 Сколь сладостно твое явленье!
 Знать, милый гость мой, съ высоты
 Страдальца вздохъ услышалъ ты —
 Тебя примчало сожалѣнье;
 Увы! убитая тоской
 Душа весь міръ въ тебѣ узрѣла,
 Надежда ясная влетѣла
 Въ темницу узника съ тобой.

Скажи жь, любимый другъ Природы,
Все тѣже ль неба красоты?
По прежнему ль въ лугахъ цвѣты?
Душисты ль рощи? ясны ль воды?
По прежнему ль въ тиши почной
Поетъ дубравная пѣвица?
Увы! скажи мнѣ, гдѣ денница?
Скажи, что здѣлалось съ весной?

Дай вѣсть услышать о свободѣ;
Слыхалъ ли пѣснь ея въ горахъ?
Ее видалъ ли на лугахъ
Въ одушевленномъ хороводѣ?
Ахъ, зрѣлъ ли милую страну,
Гдѣ я былъ счастливъ въ прежни годы?
Все таже ль тамъ краса Природы?
Все такъ ли тамъ, какъ въ старину?

Весна сихъ сводовъ не видала;
Ты не найдешь на нихъ цвѣтка;
На нихъ затворниковъ рука
Страданій повѣсть начертала;
Не долетаетъ къ нимъ стѣнамъ
Зефира легкое дыханье:
Ты внемлешь здѣсь одно стenanье;
Ты здѣсь порхаешь по цѣпямъ.

Лети жь, лети къ свободѣ въ поле;
Оставь сей бездны глубину;

Спѣши прожить твою весну —
Другой весны не будетъ болѣ;
Спѣши творенія краса!
Тебя зовутъ луга шелковы:
Тамъ прихоти — твои оковы;
Твоя темница — небеса.

Будь весель, гость мой легкокрылый,
Рѣзвяся въ полѣ по цвѣтамъ . . . ,
Быть можетъ, двухъ младенцевъ тамъ
Ты встрѣтишь съ матерью унылой.
Ахъ, еслибъ могъ ты усладить
Ихъ муку радости словами;
Сказать: онъ живъ! онъ дышетъ вами!
Но ты не можешь говорить.

Увы хоть крыльями златыми
Моихъ младенцевъ ты прельсти;
По травкѣ тихо полети,
Какъ бы хотѣлъ быть пойманъ ими;
Тебѣ помчатся вслѣдъ они,
Добычи милья желая;
Ты ихъ, съ цвѣтка на цвѣтъ порхая,
Къ моей темницѣ примани.

Забавъ ихъ зритель равнодушный,
Пойдетъ за ними вслѣдъ ихъ мать —
Ты будешь путь ихъ усладать
Своею рѣзвостью воздушной.

Любовь ихъ мой послѣдній щигъ;
Они страдальцу Провидѣнье:
Сиротъ священное моленье
Тюремныхъ стражей побѣдить.

Падутъ желѣзные затворы —
Дѣтей, супругу, небеса,
Родимый край, холмы, лѣса
Опять мои увидать взоры . . .
Но что? . . . я цѣпью загремѣлъ;
Сокрылся призракъ - обольститель;
Вспорхнулъ эфирный посѣтитель
Постой! . . . но онъ ужь улетѣлъ.

Жуковскій.

ОГЛАВЛЕНІЕ

	Стр.
Величество Божіе, <i>Державина</i>	5
Молитва о дождѣ, <i>Карамзина</i>	11
Утреннее размышленіе, <i>Ломоносова</i>	14
Пѣснь Русскому Царю, <i>Жуковскаго</i>	17
Помощь Божія, <i>Державина</i>	20
Гимнъ Богу, <i>Дмитріева</i>	22
Ласточка, <i>Державина</i>	24
Добрый Царь, <i>Карамзина</i>	27
Велисарій, <i>Мерзлякова</i>	29
Воскресное утро, <i>Жуковскаго</i>	31
Комаръ и журавли, <i>Богдановича</i>	35
Павлинь, <i>Державина</i>	36
Плаваніе, <i>Илличевскаго</i>	38
Къ Хлоѣ, <i>Дмитріева</i>	39
Василекъ, <i>Крылова</i>	41
Осеннее чувство, <i>Пушкина</i>	43
Народная пѣсня, <i>Жуковскаго</i>	44
Пчела и мухи, <i>Крылова</i>	46
Овсянный кисель, <i>Жуковскаго</i>	48
Осель и соловей, <i>Крылова</i>	55
Чижь и голубь, <i>Крылова</i>	57
Надежда, <i>Батюшкова</i>	58
Обваль, <i>Пушкина</i>	60
Когда волнуется желтѣющая нѣва, <i>Лермонтова</i>	62
Утренняя звѣзда, <i>Жуковскаго</i>	63
Лѣтній вечеръ, <i>Жуковскаго</i>	67
Водопадъ и ручей, <i>Крылова</i>	71

СІБІРСКОЕ

Стр.

Молитва, <i>Лермонтова</i>	72
Туча, <i>Пушкина</i>	73
Молотокъ и гвоздь, <i>Кн. Вяземскаго</i>	74
Чиждь и зяблица, <i>Дмитріева</i>	75
Сонетъ, <i>Бар. Дельвига</i>	77
Пѣсня <i>Жуковскаго</i>	78
Утесъ, <i>Бенедиктова</i>	80
Родина, <i>Плетнева</i>	82
Апологъ, * *	84
Птичка, <i>Туманскаго</i>	85
Весна, <i>Глинки</i>	86
Мадона, <i>Баратынскаго</i>	87
Вѣтка Палестины, <i>Лермонтова</i>	90
Монастырь на Казбекѣ, <i>Пушкина</i>	92
Дубъ и трость, <i>Крылова</i>	93
Къ полярной звѣздѣ, <i>Венедиктова</i>	95
Споръ, <i>Лермонтова</i>	97
Весна, весна! какъ воздухъ чистъ, <i>Баратынскаго</i>	101
Орелъ и пчела, <i>Крылова</i>	103
Сонъ, <i>Жуковскаго</i>	105
Казачья колыбельная пѣсня, <i>Лермонтова</i>	106
Дерево, <i>Крылова</i>	109
Ночь, <i>Жуковскаго</i>	111
Кавказъ, <i>Пушкина</i>	112
Сосна. <i>Лермонтова</i>	114
Петроградъ. <i>Шевырева</i>	115
Боже Царя храни, <i>Пушкина</i>	119
Дубовый листокъ оторвался отъ вѣтки родимой, <i>Лермонтова</i>	120
Аквилонъ, <i>Пушкина</i>	122
Узникъ къ мотыльку, <i>Жуковскаго</i>	123

С 17617

ЦѢНА 75 К. СЕР.

